ФИЛОЛОГИЯ

УДК 930.1:81’373.7:811.112.2

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СТЕРЕОТИПА «ДОМ» В ФОРМИРОВАНИИ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЕ МИРА

© 2016. ***В. В. Бондаренко-Бринь***

Статья посвящена изучению немецких национально-культурных стереотипов восприятия пространства и времени. Выявлены некоторые закономерности пространственно-временной структуры мира в немецкой ментальности. Особое внимание уделяется отождествлению исторического времени с домом.

***Ключевые слова**:* историческое время, дом, мир, национально-культурный стереотип, ментальность.

В начале нового тысячелетия в ожидании грядущих перемен в различных сферах человеческой жизни во всём мире усиливается стремление человека к осмыслению себя в социально-историческом, геополитическом, научно-техническом и философско-культурном контекстах, возрастает интерес к проблемам времени и пространства.

Предметом данной статьи являются национально-культурные стереотипы восприятия пространства и времени, выявляемые и анализируемые на материале немецкой фразеологии, литературы и страноведения.

В результате анализа таких лингвистических и культурных компонентов, как “der Raum” («пространство»), “die Welt” («мир»), “die Luft” («воздух»), “der Wind” («ветер») и некоторых других, обнаруживается новый ментально-психологический конструкт – пространственный образ дома, выступающий моделью исторического времени в немецкой ментальности.

В зарубежной науке проблему исследования ментальностей начали разрабатывать преимущественно французские философы и культурологи (в частности, представители школы «Анналов» – Ж. Ле Гофф, М. Блок, Ф. Бродель, Л. Февр, Ж. Дюби, Ф. Арьес). Дальнейшее развитие данная проблема получила в трудах таких российских учёных, как Ю. М. Лотман, В.В. Иванов, В.Н. Топоров («школа семиотики»), А. Я. Гуревич, М. М. Бахтин, разрабатывавших её историографический и культурологический аспекты. Описание национальных образов мира, анализ некоторых национальных стереотипов восприятия действительности нашли отражение в работах Г. Д. Гачева и А. Вежбицкой.

Вместе с тем национальные особенности восприятия пространства и времени как основополагающих категорий бытия (первичной мировой «системы координат») в большинстве случаев лишь косвенно попадали в поле исследования.

Актуальность данной статьи заключается в том, что исследуются категории пространства и времени с точки зрения сходства и различия в их национальном ментально-психологическом восприятии. Исследование проведено на обширном лингвистическом (этимология, фразеология), литературно-философском (беллетристика, философские труды) и страноведческом материале. Обнаружение специфических элементов в темпоральной и пространственной рефлексии может представлять ценность для разработки проблемы национальной идентичности в свете нарастающего процесса всемирной глобализации общества.

© Бондаренко-Бринь В. В., 2016

Цель исследования – показать некоторые закономерности пространственно-временной структуры мира в немецком космосе.

Специфической особенностью немецкой ментальности, свидетельствующей в пользу факта синкретичности пространства и времени в человеческом сознании, является *представление исторического времени в пространственном образе дома*. Известно, что изначально в немецком сознании установилась устойчивая ассоциация «мир – дом», которая становится ключом к возникновению следующей ассоциативной цепочки: «историческое время – дом». Во многих культурах своеобразной моделью мира выступает мировое древо, которое, как и дом, имеет вертикальную ось и ярусы, напоминающие этажи дома. Однако далеко не во всех культурах закрепилась ассоциация мирового пространства с домом как местом проживания, материальным сооружением, имеющим стены, окна, двери и т.д. Уже в этимологии немецкого *der Raum* «(мировое) пространство» на первом месте стоит значение «пустое, незаполненное» („das Leere, Unausgefüllte“), вызывающее ассоциацию с некой формой, с чем-то, имеющим объём, и лишь затем следует значение «нечто протяжённое» („etwas Ausgedehntes“) [1, с. 654-655]. Для сравнения, в русском образе пространства больше акцентированы стороны, бока, то есть, как утверждает Г. Д. Гачев, «присутствует момент раздвижения, распахивания (не воз-движения: вертикаль в русском космосе выражена слабо)» [2, с. 174]. Слово *пространство* есть не что иное, как субстантивация глагола *простереть*. Последний, согласно трактовке М. Фасмера, имеет прямую связь со словом *сторона*, *простор*, поскольку составляет с ними однокоренной ряд [3, с. 79].

Толковый словарь немецкого языка серии Duden указывает ещё и на такое значение немецкого существительного *der Raum*, как «помещение» (ср. “unsere Wohnung hat drei Räume“ – «наша квартира состоит из трёх комнат»; “Sonne erfüllt den ganzen Raum” – «солнце заполняет всё помещение») [4, с. 2104-2105].

Исследователи Г. Альтхаус и П. Мог, занимающиеся изучением пространственных моделей у немцев, выдвигают гипотезу о том, что восприятие пространства как помещения, дома, микромира в немецкой ментальности могло формироваться под воздействием географического, социально-исторического и политического факторов. При этом они ссылаются на такой достоверный исторический факт, как территориальная раздробленность Германии XVIII века: известно, что на тот момент страна объединяла свыше 300 мелких княжеств. С точки зрения исследователей, это повлияло не только на социальную, политическую и религиозную жизнь страны, но и в значительной мере изменило внутреннее ощущение мира и пространства у немцев: «Horizont und Weltorientierung vieler Menschen blieben von ihrer kleinräumigen Lebenswelt bestimmt und waren nicht gesamtheitlich oder gar überstaatlich-national geprägt» – «кругозор и ориентация в мире большинства людей по-прежнему оставались обусловленными существованием в пространственно малых жизненных территориях и не были отмечены единством или даже надгосударственной общенациональной целостностью» (перевод наш – Б.-Б.) [5, с. 46]. В результате каждая земля стала восприниматься населяющими её гражданами как некий микромир со своими уникальными религиозными, социальными и – шире – культурными составляющими, отличающими данное княжество от других подобных земель. Данная ситуация зафиксирована и в немецкой литературе: ср. микрокняжества у Э. Т. А. Гофмана («Крошка Цахес», «Житейские воззрения кота Мурра»); южные диалекты в творчестве Г. Гауптмана (драмы «Ткачи», «Перед заходом солнца», комедия «Бобровая шуба»); Т. Фонтане («Путешествие по Марке Бранденбург») и многие другие.

Примечательны также выдержки из романа Т. Манна «Будденброки», в которых Тони, жительница северных немецких земель, критикует мюнхенскую кухню и тем

самым подчёркивает, насколько ей чужд уклад жизни «южан»: «Да, Мюнхен мне очень, очень нравится,… но вот к здешней кухне никак не могу привыкнуть. Слишком мало овощей и очень уж много мучного. Соуса такие, что не приведи бог! Мне очень недостаёт рыбы. И потом, что ни говори, это безумие – с утра до вечера есть салат – картофель с огурцами – и запивать его пивом» [6, с. 275]. Ментальные отличия немцев-северян и немцев-южан столь велики, что земля (в смысле административно-территориальной, федеративной единицы) воспринимается героиней как «чужая страна»: "Überhaupt muß man ja an mancherlei sich erst gewöhnen, könnt Ihr Euch denken, man befindet sich eben in einem fremden Lande. Die ungewohnte Münze, … und dann ist da der Katholizismus" [7, с. 307-308] – «конечно, вы сами понимаете, что ко многому надо сначала привыкнуть, когда находишься ***в чужой стране*** (и это говорит представитель севера Германии о Баварии!). Другая монета; …и вдобавок ещё католицизм» [6, с. 275].

В этом же произведении встречаются комментарии Т. Манна относительно границ и таможен: «А при наличии таможенного союза для нас откроются Мекленбург и Шлезвиг-Голштиния» [6, с. 162]. «Запомните, Грюнлих, – сказал консул, – новые кружева лежат в маленькой сумке, с самого верху. Подъезжая к Гамбургу, спрячьте их под пальто, понятно? Эти таможенные пошлины… по возможности надо стараться обходить их» [7, с. 162].

Таким образом, у немцев XIX века не возникало ощущения единого государственного пространства. Территория Германии представляла своего рода группу минипространств. Движение по стране было сопряжено с частым преодолением таможенных границ между землями и вследствие этого приобретало такое качество, как импульсивность, неравномерность, прерывистость. Не исключено, что подобная пространственная дискретность сказалась и на временно́м ощущении немцев: вместо «беспрестанно» текущей субстанции здесь присутствуют словно составленные в цепочку временные отрезки (ср. Zeitraum, Zeitabschnitt).

Связь мирового пространства с образом дома в немецкой ментальности демонстрируют такие уникальные идиомы, как:

- *da (hier) ist die Welt mit Brettern vernagelt* – букв. «здесь мир заколочен досками», русск. эквивалент – «дорога кончается, дальше тупик»;
- *die Welt ist (wohl) nicht mit Brettern vernagelt* – букв. «мир же не заколочен досками», русск. эквивалент – «на этом же жизнь не кончается», «свет клином не сошёлся»;
- *jemand reißt nicht die Welt ein* – букв. «никому не дано разломать мир»;
- *die Welt aus den Angeln heben wollen* – букв. «пытаться мир снять с петель», то есть «нарушить устойчивый порядок вещей».

В данных фразеологизмах отражён практицизм немцев, попытка вписать абстрактное в рамки мыслимого, конкретного, а значит упрощённого. Расплывчатое понятие «мир», каким оно, например, остаётся в русской ментальности, приобретает у немцев форму вполне узнаваемого сооружения (здания, дома и др.). Тут присутствуют «доски» – "Bretter"; «гвозди» – "Nägel"; «дверные петли» – "Angeln".

По логике вещей, верхние «этажи» германского «мирового дома» должно оформлять «небо» (*der Himme*l). И действительно, данное допущение находит подтверждение в этимологии немецкого *die Luft* («воздух»), которое в прагерманском языке по своей семантической структуре было идентично германскому слову, означающему "Boden[raum]", "Dachstube" (чердачное помещение); также средневерхненемецкое "lucht" – "Bodenraum, oberes Stockwerk" (верхний этаж, ярус).

Мировое пространство в германском представлении оказывается вытянутым вверх подобно конструкции дома: оно также состоит из «этажей» (ярусов), имеет свои «окна» и «двери», свой «чердак». Многочисленные формы обращения к «верху» в

немецкой фразеологии только усиливают эту вертикаль (ср. идиомы: *Himmel noch (ein)mal!* – выражение недовольства, нетерпения: *Господи, боже мой!*; *ach, du lieber Himmel!* – удивление, испуг: *Господи, ты, боже мой!; Himmel und Hölle! – Проклятье*!, *Чёрт возьми*! и многие другие). Данный факт «вытягивания» жизненного пространства вверх может быть ментально объяснён попыткой восполнения недостаточной плоскости латерального и трансверсального пространства (малая территория Германии) его вертикальной осью.

Обращение к богам – обитателям горних сфер – существует во многих культурах. Однако у немцев это обращение к вполне определённому локусу – небу: германский Вседержитель – это «небесный» Господь. При этом в высказывании образуется некоторая смысловая избыточность (избыточность средств выражения), поскольку взывание к Богу заведомо адресует к высшим сферам, символом которых и является небесный свод. Так, немецкие идиомы *Himmel noch (ein)mal!* или *ach, du lieber Himmel*! и подобные дословно переводятся на русский как *Небо ещё раз*!, *О, милое небо!*. Для представителя славянской, в том числе русской культуры использование слова «небо» для выражения удивления, испуга, нетерпения является нетипичным и указывает, скорее, на возвышенный стиль высказывания. Выражения *О, небо!*, *О, всемогущее небо!* и другие подобные вариации проникают в русскую словесность и язык общения не в последнюю очередь благодаря заимствованиям из немецкой литературы (из произведений И. В. Гёте, Ф. Шиллера, Ф. Новалиса).

Вырисовывающуюся, таким образом, модель мира-здания (мира *как* здания), материального сооружения дополняет и тем самым подкрепляет этимологический анализ немецкого понятия "*die Welt*" («мир»). Так, первый слог шведского *värld* («мир») – *vär* соответствует германскому *Mann, Mensch*. Вторая часть того же слова, которая в древнеисландском звучит как *old*, в готском *alds,* означает «поколение, человечество, время» [8, с. 922]. В русском *мир* означает „универсум", а *міръ* – есть „общность людей" (ср. «Война и міръ» Л.Н. Толстого, т.е. «война и люди»). Немецкое *die Welt*, таким образом, составлено из двух основ – *Mensch* + *Alter* – «человек + возраст, время». Это позволяет сделать вывод о том, что мир изначально представлялся немцам в виде совокупности людей, живущих и творящих в определённом временном промежутке (*Menschenalter* – «человеческий век, поколение»). Каждая смена поколений естественным образом обуславливает изменения в мире. Людской век является здесь своего рода константой – это промежуток времени, приблизительно равный 100 годам. Каждые 100 лет – это некая новая ступенька. «Ступенчатообразное» течение времени и сходное с ним этапное духовное развитие человечества реализуется в модели лестницы. На символическом же уровне лестница выступает как прототип мирового древа (диахронно-синхронической аспект).

Так, на примере этимологического анализа понятий «(мировое) пространство» (*der Raum*), «небо» (*der Himmel*), «воздух» (*die Luft*), «мир» (*die Welt*) и их коннотационных полей во фразеологии становится очевидной устойчивая ассоциативная связь мира с домом, зданием в немецкой картине мира.

Ментальный архетип дома позднее лёг также и в основу восприятия немцами исторического времени. Последнее впервые обретает образ, напоминающий виртуальный дом, в конце XVIII века в гегелевской философии истории, где всемирная история творится и управляется «Мировым разумом» (Weltvernunft) [9, с. 3-104]. Учение Гегеля о разумной направленности всемирно-исторического процесса должно было придать человеку новое чувство уверенности, говоря словами М. Бубера, «приготовить ему новый *космический дом*» [10, с. 57]. Причём Бубер акцентирует факт необходимости

для человека в принципе иметь такой «дом», если не в пространстве, то во времени. «Уверенной поступью, будто переходя с этажа на этаж и из комнаты в комнату этого надёжно сложенного дома с прочным фундаментом, стенами и кровлей, передвигается всезнающий человек Гегеля и внутри мирового дома истории, смысл которой ему вполне известен» [10, с. 57]. Однако Бубер выказывает и серьёзную критику в адрес гегелевского «исторического дома»: «мировой дом Гегеля восхитителен, в нём всё можно объяснить, ему можно подражать, но как жильё он не годится» [10, с. 58]. Умозрительный образ мира-дома, основанный на времени, полагает Бубер, «никогда не даст человеку того чувства уверенности, как выстроенный в пространстве» [10, с. 58].

Размышляя на тему «исторического дома» Гегеля, М. Бубер и сам непроизвольно вплетает в свои рассуждения об историческом времени архетип дома: «в истории человеческого духа я различаю эпохи обустроенности (Behaustheit) и бездомности (Hauslosigkeit). В эпоху обустроенности человек живёт во Вселенной как дома, в эпоху бездомности – как в диком поле, где и колышка для палатки не найти. В первую эпоху антропологическая мысль – лишь часть космологии, в другую приобретает особую глубину» [10, с. 40-41]. Данный отрывок из трактата М. Бубера лишний раз свидетельствует в пользу глубокой укоренённости архетипа дома в немецкой ментальности, который, как явствует из приведённых выше наблюдений, распространяется не только на пространственный аспект, но и на временной. Исследование национально-культурных стереотипов восприятия пространства и времени открывает широкое поле для их дальнейшего многоаспектного изучения с привлечением наработок в области культурологи, философии языка, когнитивной лингвистики и иных новейших гуманитарных методологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Raum // Duden: Das Standardwerk zur deutschen Sprache: In 10 Bd. / Red.: G. Drosdowski. — Mannheim/Wien/Zürich: Duden Verlag, 1991. – Bd.7. – Etymologie : Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. – S. 654–655.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачев. – М. : Сов. писатель, 1992. – 512 с.
3. Простереть // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1986. – Т. 3. – С. 79.
4. Raum // Duden: Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: In 6 Bd. – Duden Verlag, 1971. – Bd. 5. — S. 2104–2105.
5. Mog P., Althaus H.J. Aspekte deutscher Raumerfahrung // Die Deutschen in Ihrer Welt. – B.-W.-Z.-New-York, 1992. – S. 46.
6. Манн Т. Будденброки / Т. Манн. – М. : Худож. литература, 1969. – 654 с.
7. Mann, Thomas, Buddenbrooks: Verfall einer Familie // Thomas Mann : Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. – Frankfurt am Main : Fischer. 2. durchges. Aufl., 1974. — S. 307—308.
8. Welt // Duden: Das Standardwerk zur deutschen Sprache: In 10 Bd./ Red.: G.Drosdowski. – Mannheim/Wien/Zürich: Duden Verlag, 1991. – Bd.7. – Etymologie : Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. – S. 922.
9. Гегель Ф. Введение // Гегель Ф. Сочинения / Ф. Гелель : Пер. с нем. — М.-Л. : Соцэкгиз, 1935. – Т. 8: Философия истории. – С. 3–104.
10. Бубер М. Проблема человека. К всемирному философскому конгрессу / М. Бубер ; Тех. ред. Н. И. Романова. — М. : Специализированная информация по общеакадемич. программе: «Человек, наука, общество: комплексные исследования», 1992. – 232 с.

Поступила в редакцию 19.02.2014 г.

ROLE OF THE NATIONAL CULTURAL CONCEPT «HOME» IN SHAPING THE MODEL OF HISTORICAL TIME IN THE GERMAN CULTURAL WORLDVIEW

Bondarenko-Brynn V. V.

The article is deals with the analysis of the German national cultural concept of space and time perception. Some trends of the space-time world structure have been displayed in German mentality. Special attention has been paid to the association of historical time with home.

Key words*:* historical time, home, world, national cultural concept, mentality.

Бондаренко-Бринь Виктория Викторовна
Кандидат философских наук, доцент.
Донецкий национальный университет.
Bondarenko-Brin Viktoria Viktorovna
Candidate of Philosophy, Associate Professor.
Donetsk National University.
e-mail: vika.brynn@gmail.com